

Хан Сиэнь считал себя человеком исключительно справедливым. Раз уж грязные слухи поползли из лагеря сицзянской армии, то и держать ответ придётся военным. Выждав для приличия пару дней, он решил действовать. Его выбор пал на одного из караульных — тот то и дело бросал на молодого маркиза боязливые взгляды, а в его голове творился настоящий сумбур.

Сиэнь мягко, почти ласково поинтересовался, что стряслось в городе и отчего у стражника такой странный вид. Тот мысленно проклял свою неосторожность — надо же было так глупо выдать себя перед всевидящим маркизом! Но как признаться? Рассказать в лицо вельможе о похабных слухах, в которых того укладывали в императорскую постель? От одной мысли об этом у бедняги подкосились ноги, и он забормотал что-то невнятное, пытаясь уйти от ответа.

Выслушав путанные оправдания, Хан Сиэнь едва заметно усмехнулся:

— Хорошо подумай, страж. Действительно ли ты говоришь правду? Если я выясню, что ты мне лжёшь, сам знаешь, что будет.

Угроза прозвучала буднично, но у караульного по спине побежали мурашки. Понимая, что деваться некуда, он зажмурился и выпалил:

— Господин наследник, пощадите! Не то чтобы я утаивал... Просто в городе сейчас только и разговоров, что о вас. Стоило вам снять маску и явить миру своё истинное лицо, как праздный люд принялся чесать языками. Толкуют, будто ваша близость к Его Величеству объясняется... гм... вашей редкой красотой. Сплетни эти столь грязны, что я не смел осквернить ими ваш слух.

Сиэнь лишь равнодушно хмыкнул.

«Какая изящная словесная эквилибристика, — лениво подумал он. — Сразу видно столичную выучку. И суть слухов обозначил, и главных действующих лиц назвал, и себя обезопасил, прикрывшись заботой о моих ушах»

Сложить эти крупницы воедино не составляло труда. Хан Сиэнь представил, как это выглядит со стороны, и не удержался от тихого смеха.

Несчастный стражник вздрогнул, решив, что господин потешается над ним. Пусть сейчас Сиэнь со своей безупречной кожей и тонкими чертами лица походил на сошедшего с небес небожителя, любоваться им караульный не смел. Больше всего на свете ему хотелось провалиться сквозь землю или получить разрешение немедленно убратся прочь.

Пока в голове бедолаги металась панические мысли, Сиэнь задал самый важный вопрос:

— Раз уж это слухи, то откуда они поползли? Вы выяснили, кто пустил первую искру?

— Как только сплетни набрали силу, наши люди сразу взялись за розыск, — затараторил

стражник. — Всё началось в трактире «Забывшийся Бессмертный». Несколько сицзянских дозорных крепко выпили и давай болтать лишнее. С их пьяных слов всё и завертелось.

— Сицзянские дозорные... — вкрадчиво повторил Хан Сиэнь. На губах его заиграла холодная улыбка. — Надо же, какая у нас крепкая связь. Может, они считают, что я, как императорский инспектор, обделил их своим вниманием? Раз уж они из раза в раз так настойчиво обо мне вспоминают...

Караульный лишь понуро молчал, не зная, куда деваться от неловкости.

«Да кто в здравом уме посмеет о вас добровольно вспоминать? — обречённо подумал он. — Вы уже сожрали генерал-губернатора Сицзяна, костей не оставив. Если теперь ещё и под великого генерала Лю подкоп устроите, эти недоумки локти себе искусают»

Столь бурный мысленный монолог стражника заставил Сиэня вспомнить о Гао Фэне. Тому повезло больше остальных: сейчас он служил заместителем командующего императорской гвардией и пользовался особым доверием во дворце. В те два года, когда Сиэнь безвыездно сидел в своей усадьбе в столице, Гао Фэн не забывал его — частенько присылал полезные в быту вещи. Пожалуй, из всех выскочек он оказался самым благодарным.

Охваченный мимолётной ностальгией, Хан Сиэнь задержал взгляд на склонном к мысленным жалобам караульном. От этого спокойного, изучающего взгляда у несчастного мгновенно вспотели ладони.

Сиэнь наконец отвернулся.

— Раз уж корни этой пакости ведут в сицзянский лагерь, мне придётся снова навестить военных. Поглядим, готов ли великий генерал Лю предоставить мне исчерпывающие объяснения.

Он лениво взмахнул рукой, приказывая стражнику подняться с колен и распорядиться насчёт паланкина. Сам маркиз остался сидеть в кресле. Полуденное солнце мягко освещало его лицо, делая безупречную белую кожу похожей на тончайший драгоценный нефрит.

Когда Хан Сиэнь в прошлый раз покидал столицу ради улаживания приграничных споров, его отъезд наделал шуму, но любопытство толпы быстро угасло. Теперь же, едва его паланкин миновал ворота усадьбы, как вслед ему устремились десятки пытливых взглядов.

Открыто судачить о молодом маркизе никто не решался — все слишком хорошо помнили его крутой нрав. Однако унять жгучее любопытство было выше человеческих сил. Виной тому стали пикантные слухи о тайных утехах императора и наследника Хань, со смаком пересказываемые на каждом углу.

Сплетники в подробностях расписывали, как юноша, презрев законы природы, проложил себе путь на драконье ложе. В доказательство приводились «неоспоримые факты»: Сиэнь годами разорял чиновников и ссылал их семьи, а император лишь благодушно закрывал на это глаза. Даже великая принцесса поплатилась крахом своего дома за то, что посмела перейти дорогу молодому маркизу.

Разве стал бы владыка Поднебесной так выгораживать обычного подданного, не связывая их постыдная постельная тайна? Ложь, искусно перемешанная с правдой, быстро укоренилась в умах доверчивых обывателей.

Ослеплённая скандалом чернь охотно верила бредням, напрочь позабыв о том, каким Хан Сиэнь предстал перед столицей изначально. Исхудалое, мертвенно-бледное лицо, обтянутое сухой кожей — сущий выходец из преисподней. В совете не осталось ни единого чиновника, который бы не содрогнулся при виде этого живого мертвеца. Именно тогда поползла молва о его редкостном уродстве.

Если император умудрился возжелать Сиэня в ту пору, то Его Величество следовало признать либо безнадежно слепым, либо безумным.

Покачиваясь в полумраке паланкина, Хан Сиэнь поймал себя на невольной мысли. Справедливости ради, в Великой Чжоу действительно отыскался один слепец. Стоило ему впервые увидеть иссохшего, похожего на скелет Сиэня, как он раз и навсегда упрямо причислил его к первейшим красавцам.

Сиэнь до сих пор отчётливо помнил их первую встречу. Круглолицый, со смешной детской припухлостью на щеках, Бай Шу протянул ему серебряный слиток. Он смущённо чесал затылок, а его глаза весело щурились, выдавая крайнюю неловкость.

С виду — сущий простофиля, простодушный мальчишка из соседнего двора. Но Сиэнь-то знал, какая ледяная пустота скрывалась за этой обманчивой маской.

Тогда он словно поддался какому-то наваждению и взял деньги. Решил: «Перехвачу малую толику, потом верну с лихвой». Кто же знал, что долг этот он не отдаст по сей день, а случайное знакомство обернётся узами, о которых он прежде и помыслить не смел?

От этих мыслей на душе стало беспокойно. Сиэнь прикрыл глаза, позволяя разуму погрузиться в спасительную пустоту. В этот миг ему не хотелось думать ни о чём на свете.

К тому моменту, как паланкин маркиза прибыл к сицзянскому лагерю, в воздухе там пахло грозой. Царившее вокруг напряжение можно было резать ножом.

Ступив на землю, Хан Сиэнь недовольно нахмурился.

Едва весть о визите инспектора достигла главного шатра, великий генерал Лю Хучэн почувствовал, как у него зачесался затылок. Ещё в тот день, когда поползли первые сплетни, он почуял неладное. Генерал без промедления выяснил имена всех, кто кутил в трактире. Оказалось, среди болтунов так или иначе мелькали люди из окружения его заместителя, Чжоу Жаня.

С одной стороны, Лю Хучэн опасался, что сицзянские войска кто-то пытается подставить. С другой — он прекрасно понимал, что Чжоу Жань затаил лютую злобу на Хан Сиэня и вполне мог решиться на подобную подлость.

Виновник переполоха — тот самый пьяница, у которого развязался язык насчёт связи Сиэня с императором, — валялся в ногах у командующего, умоляя о пощаде. Проверка показала, что дозорный этот из приличной семьи, умом не блещет, выпить любит, а с Чжоу Жанем едва знаком. Выпалил он эту похабщину исключительно по глупости, поддавшись хмельному угару и поддакнув чужим речам.

Вскоре в шатер доставили и самого Чжоу Жаня — раненого принесли на носилках. Он яростно доказывал Лю Хучэну свою непричастность. Мол, характер у него скверный и злопамятный, отрицать глупо, но верность трону чиста как горный родник. Клеветать на Сына Неба он бы ни за что не осмелился.

Видя, как брызжет слюной его заместитель, великий генерал поспешил его успокоить, а пьяных говорунов приказал немедленно бросить в подвал.

Лю Хучэн понимал: столичную чернь ему не заткнуть. Однако в лагере он ввёл суровое правило: за одно лишь упоминание грязных слухов — пятьдесят ударов палками без лишних разговоров. Это быстро остудило пыл любителей чужих секретов.

Но тяжесть с души генерала так и не спала. Он ежечасно ждал появления Хан Сиэня, готовясь к буре. Однако не успел столичный гость переступить порог лагеря, как юный Бай Шу умудрился навлечь на Сицзян сущую катастрофу.

С тех пор как поползли сплетни, Бай Шу носа не казал из лагеря. Командующий мало его знал, а потому не придавал его присутствию значения.

Но у стен есть уши, а у солдат — длинные языки. Даже под страхом жестокой казни кое-кто продолжал шептаться по углам. Сегодня утром несколько заготовщиков дров принялись перемывать кости маркизу Хань, перемежая речь откровенным непотребством.

Бай Шу, случайно оказавшийся неподалёку, услышал это. Он набросился на остряков с кулаками и избил их так, что одному сломал руку, а второму — ногу. Но самое страшное случилось потом. Мальчишка почему-то вбил себе в голову, что затея со сплетнями — дело рук

Чжоу Жаня. Обнажив клинок, он ворвался напрямик в палатку заместителя командующего.

По роковому стечению обстоятельств в гостях у Чжоу Жаня в тот момент находился пятый принц Цзи Хуай. Увидев безумца с мечом, принц истошно закричал, и на его вопль сбежался весь караул.

Бай Шу успел нанести удар. Сталь вонзилась в бедро Чжоу Жаня, пройдя в считанных цунях от паха.

Когда подоспевшая стража скрутила нападавшего, он не сопротивлялся. Лишь тяжело дышал и буравил стонущего Чжоу Жаня полным ярости взглядом.

Чжоу Жань, который едва оправился после прошлых ранений в столице, вернулся в лагерь из-за обострения на границе. Кто же знал, что здесь его подстережёт этот сумасшедший щенок? Пропущенный удар и хлынувшая из раны кровь перепугали бывшего воина до полусмерти.

Лю Хучэн, узнав о случившемся, лишился дара речи. В его представлении младший брат генерала Бай Вэньханя был тихим и безобидным юношей. Единственная его проказа заключалась в том, что он таскал у лекарей редкие травы. Как этот кроткий парень решился на вооружённый мятеж?

К моменту приезда Хан Сиэня военные лекари как раз закончили перевязку. На расспросы офицеров они лишь сокрушённо вздыхали: заденет ли рана мужскую силу Чжоу Жаня, покажет только время.

Взбешённый Чжоу Жань, не дожидаясь суда, обвинил мальчишку в покушении на старшего по званию и приказал выдать ему сто ударов плетью.

Поскольку расправа произошла при свидетелях, Бай Вэньхань не имел права просить командующего о снисхождении к брату. Сгорая от тревоги, старший брат мог лишь бессильно сжимать кулаки и пытаться докопаться до истины.

Выслушав донесение, Хан Сиэнь на мгновение задумался. Он хорошо знал характер Бай Шу. Этот парень держался в стороне от мирской суеты, отличался завидным терпением и никогда бы не полез на рожон без веской причины. Если он взялся за оружие, значит, его довели до крайней черты.

Да и присутствие пятого принца казалось слишком уж своевременным. Какое поразительное совпадение: стоило вспыльчивому юноше ворваться в палатку, как Его Высочество оказался тут как тут. Впрочем, делать выводы рано — сперва нужно поговорить с самим виновником.

Задержавшись у ворот лагеря лишь на миг, Сиэнь не стал наносить визит вежливости Лю Хучэну. Вместо этого он сразу разыскал Бай Вэньхана и велел вести его к арестованному.

Лагерная тюрьма представляла собой наспех сколоченную, зловонную сырую нору. У входа им преградили дорогу караульные. Они упрямо твердили, что заместитель командующего Чжоу строго-настрого запретил пускать кого бы то ни было без его личного позволения.

Бай Вэньхань прекрасно понимал, что эти цепные псы служат Чжоу Жаню. Они же, скорее всего, и терзали его младшего брата на дыбе.

Мысли о ранах брата жгли ему душу, но устав предписывал беспрекословное подчинение. Бай Шу совершил тяжкое преступление — напал на старшего офицера. Как тысяцкий, Вэньхань не имел права на произвол и теперь растерянно топтался у входа.

Хан Сиэнь помрачнел. Не говоря ни слова, он сделал знак своим столичным телохранителям. Те мигом скрутили наглых часовых под предлогом препятствования государственной инспекции и швырнули их в грязь. Остальные тюремщики, оценив грозный вид столичной охраны, поспешили без лишних вопросов распахнуть двери.

Внутри царил полумрак, густо замешанный на запахе испражнений и гниющей соломы. Бай Шу держали в самой дальней клетушке.

Подойдя ближе, Сиэнь замер. Избитый юноша лежал на грязном сене ничком, уткнувшись лицом в ладони. Его обнажённая спина превратилась в сплошное кровавое месиво. Глубокие рваные раны от плетей сочились багровой влагой, которая тонкими струйками стекала по чистой коже и пропитывала солому под его телом.

На секунду этот резкий, металлический запах крови перенёс Сиэня в кошмар его прошлой жизни. Снова серая стерильность лаборатории, бесконечные опыты, удушливый смрад чужой смерти и чужие мысли, бьющие по воспалённому разуму. Людская злоба и уродство вновь подступили к самому горлу, вызывая острую тошноту.

Шорох шагов заставил пленника приоткрыть глаза. Увидев Сиэня, он встрепенулся, его тусклый взгляд мгновенно прояснился. Попытавшись приподняться на локтях, он лишь потревожил раны, и из свежих рубцов на спине толчками хлынула кровь.

Бай Вэньхань испуганно бросился к брату и прижал его к полу:

— Куда ты дёргаешься, дурак?! Живого места на тебе нет!

Бай Шу послушно замер. Он вспомнил, как сильно Сиэнь не выносил запаха крови, и поспешил уткнуться лбом в солому. Окинув робким взглядом застывшего у решётки маркиза, юноша упрямо сжал губы. Пусть спину жгло огнём, он ни на миг не пожалел о том, что сделал. Похабные речи, которые Чжоу Жань изрыгал в адрес Сиэня, стоили той раны.

Маркиз не сдвинулся с места. Он молча смотрел на него несколько долгих секунд, после чего резко развернулся и зашагал к выходу.

Проводив его тоскливым взглядом, Бай Шу судорожно ухватил старшего брата за руку:

— Брат... иди за ним. Пригляди.

Бай Вэньхань смотрел на него с нестерпимой горечью:

— О себе бы лучше подумал, голова твоя дурная! Я сейчас же найду лекаря.

— Брат, пустяки это, заживёт как на собаке, — прошептал упрямец.

Вэньхань лишь зло зыркнул на него. В глубине души ему было нестерпимо жаль младшего брата, угодившего в сети безответной любви к этому бесчувственному сухарю.

«И что ты в нём нашёл? — с горечью подумал он. — Высокомерный, холодный чурбан. Только и достоинств, что смазливая рожица»

Высказывать это вслух генерал, конечно, не стал. Вместо этого он строго спросил:

— А теперь отвечай мне без утайки: зачем ты полез на Чжоу Жаня с мечом?

Бай Шу лишь зарылся лицом глубже в сено:

— Случайно вышло. Рука сорвалась.

Вэньхань знал повадки брата — раз замолчал, слова из него теперь и клещами не вытянешь.

— Ты поднял руку на заместителя командующего сицзянскими войсками! — вскипел он. — Думаешь, если будешь помалкивать, тебя по головке погладят? Жизнь надоела?!

Тем временем Хан Сизнь, едва оказавшись за пределами видимости арестанта, негромко приказал одному из гвардейцев:

— Найди толкового лекаря. Пусть обработает его раны.

Сопровождающий почтительно склонил голову.

Лю Хучэн, так и не дождавшись инспектора в главном шатре, поспешил к темницам и застал финал этого разговора. Не желая отставать, великий генерал тут же велел своим адъютантам прислать лагерного врача.

Хан Сизнь посмотрел на подошедшего командующего. Его взгляд оставался обманчиво мягким,

однако голос так и сквозил ледяным равнодушием:

— Говорят, ваш заместитель командующего Чжоу Жань сильно пострадал? Я как раз собирался выразить ему своё сочувствие. Великий генерал Лю, не сочтите за труд проводить меня к больному.

— Разумеется, господин инспектор, — натянуто улыбнулся Лю Хучэн.

— М-м-м, — протянул Сиэнь, мерно вышагивая по лагерным дорожкам. — Скажите, уважаемый генерал, в сицзянских войсках всегда так вольно относятся к уставу? Я имею в виду поспешную расправу без суда и следствия.

Лю Хучэн на миг запнулся:

— Помилуйте, наследник. Я держу своих людей в строгости. За проступок у нас казнят, за доблесть — награждают. К чему здесь разговоры о беспределе?

Сиэнь насмешливо прищурился:

— Даже если закрыть глаза на то, что мотивы нападения никто не удосужился выяснить... Скажите, с каких это пор при исполнении официального приговора плети дозволено вымачивать в крепком рассоле?

Соль, разъедающая разорванную плоть, превращала обычное наказание в изощрённую пытку.

Маркиз смерил командующего многозначительным взглядом и вкрадчиво добавил:

— Вот мне и любопытно: это великий генерал Лю упустил бразды правления, или его подчинённые привыкли вертеть приказами как им вздумается?

На лице Лю Хучэна проступили багровые пятна гнева:

— Не беспокойтесь, наследник Хан, я лично разберусь с палачами. — Он процедил это сквозь зубы и тут же сделал знак адъютанту начать дознание.

Внутренне же генерал кипел.

«Мальчишка Бай Шу прикинулся невинной овечкой! Едва Сиэнь переступил порог его камеры, как тот сразу принялся жаловаться и ябедничать»

Впрочем, сути дела это не меняло. Покушение на Чжоу Жаня произошло при свидетелях. Пострадавший — высокопоставленный военачальник сицзянской армии. Даже если это дело дойдёт до престола, за такую провинность парню не сносить головы.

— Великий генерал, не стоит так волноваться, — примирительно промолвил Хан Сиэнь. — Хотя я и не терплю беззакония, но и невиновных никогда не оговариваю. Одно дело не связано с другим. Бай Шу совершил преступление и должен понести кару по уставу. Но личные счёты и издевательства под маской правосудия — это недопустимо.

— Справедливость ваших суждений делает вам честь, — облегчённо вздохнул Лю Хучэн.

Они не торопясь направились к шатру пострадавшего. Чжоу Жань уже знал о прибытии столичного гостя и заранее приготовился к схватке, будучи уверенным, что маркиз явился выгораживать своего протеже.

Но стоило войти внутрь, как Хан Сиэнь опередил готового разразиться проклятиями раненого. Скользнув взглядом по застывшему у постели пятому принцу Цзи Хуаю, он с тонкой иронией заметил:

— Надо же, Его Высочество пятый принц и заместитель командующего Чжоу близки как никогда. Уверен, Его Величество несказанно обрадуется, узнав о столь трогательной дружбе.

<http://bllate.org/book/20088/2002088>